

9. Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 67.
10. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 155.
11. В. А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 178.
12. См. об этом: Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1978. С. 354.
13. Баратынский Е. А. Указ. соч. С. 245–246.
14. «Чем больше вижу с Боратынским, тем больше люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, разробительный» (письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу) — Остафьевский архив. Т. 3. С. 117.
15. Значению теодицеи в творчестве Е. А. Боратынского посвящена работа Е. Н. Лебедева «Е. А. Боратынский и духовные искания русской лирической поэзии XVIII — первой половины XX века». М., 1994.
16. Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 74.

© Сильченко Г. В.
г. Ишим

ИДЕЯ ЦИКЛИЧНОСТИ КАК ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА «ПУТЕВОГО ЦИКЛА» П. П. ЕРШОВА «МОЯ ПОЕЗДКА»

Лирический «путевой цикл» Петра Павловича Ершова «Моя поездка» представляет собой знаменательное явление в русской литературе первой половины XIX в. Созданный в 1840 г., он органически входит в контекст литературной эпохи: 1830–1850-е гг. проходят под знаком активного развития циклов, в том числе «путевых» [1]. При жизни автора цикл не был опубликован, но и дальнейшая издательская судьба данного произведения оказалась сложной. В советские времена из цикла, который составляют 10 стихотворений, было опубликовано лишь 6; оставшиеся 4 стихотворения, в силу своей религиозной направленности, шли в разрез государственной идеологии и на долгое время остались недоступными простому читателю. Следует отметить, что частичная публикация заметно искажала идейное содержание произведения, разрушала целостную концепцию автора. Полная публикация «путевого цикла» была осуществлена известным исследователем творчества поэта В. П. Зверевым в 2005 г., она явилась замечательным подарком к 190-летию со дня рождения П. П. Ершова. Данная публикация позволила непредвзято взглянуть на произведение поэта, она открыла совершенно новые грани творческой индивидуальности сибирского автора.

Цикличность представляет собой одну из широко распространенных философских категорий, которая проникла во многие сферы общества (от политики до искусства). В основе данного понятия лежит представление о том, что общество в целом или его отдельные сферы «движутся по замкнутому кругу с постоянным возвращением вспять, к исходному состоянию, и последующим новым циклам возрождения и упадка» [2]. Данная концепция оказалась широко востребованной в сфере литературного творчества, результатом этого явилось возникновение особой жанровой формы — ли-

рического цикла. Изначально циклизация лирических произведений осуществлялась на основе жанрового принципа, но вскоре она стала восприниматься как особая художественная возможность, позволяющая воспринимать «художественный смысл цикла шире совокупности смыслов отдельных произведений, его составляющих» [3]. Вопрос о художественной природе лирического цикла является актуальной проблемой современного литературоведения, до сегодняшнего времени не выработаны четкие критерии, признаки, по которым можно было бы судить о специфике лирического цикла как особого жанрового образования. Известный исследователь природы лирического цикла М. Н. Дарвин утверждает, что в основе данной жанровой формы как особой структурно-мировоззренческой целостности «присутствует идея всеобщего и универсального круговорота» [4]. Наша статья предполагает рассмотрение идеи цикличности на примере лирического цикла П. П. Ершова «Моя поездка».

Тяготение к циклизации характерно для различных уровней организации художественного пространства произведения Ершова: композиция, система мотивов и образов, пространственно-временной аспект.

Лирический цикл Ершова имеет особую жанровую разновидность — он «путевой», т. е. основным структурообразующим элементом выступает тема путешествия, которая может рассматриваться в качестве одной из возможных форм цикличности. Путешествие представляет собой своеобразный процесс перехода от статического состояния к динамическому и далее (по достижении цели) снова к статическому, но на более высоком уровне. Подобная сущность путешествия характерна как для мифологии, так и для произведений литературы. Следует заметить, что тема пути, движения заложена уже в названии произведения — «Моя поездка», тем самым еще раз подчеркивается ее центральное положение в цикле. Движение в произведении поэта может быть рассмотрено в нескольких аспектах:

1. Путешествие в пространстве (город — окрестности — город) и во времени (утро — день — вечер).

2. Жизненный путь от рождения к смерти и далее.

3. Движение души лирического героя в поисках высшего жизненного идеала.

Остановимся более подробно на каждом из представленных аспектов. Первое стихотворение ершовского цикла — «Выезд» — уже содержит одну из основных категорий цикличности: противопоставление и в то же время неразрывную связь статики и динамики. Город воспринимается лирическим героем как пространство, лишенное каких бы то ни было признаков жизни:

*Как томительно и душно
В этой мертвенной глуши!* [5].

Усиливает данное состояние и ряд других образов, характерных для первого стихотворения: «убийственные цепи», «разум бедный», «город скушный», т. е. статическое состояние, охватывая все сферы бытия города, становится онтологическим принципом его существования. Все после-

дующие стихотворения предельно динамичны, в них постоянно что-то происходит:

*Как чудесна мать-природа...
Изменяясь, как Протей,
Здесь она — в разливе света,
Там — в игре живых теней.*

Образ мифологического божества Протeya не случайно возникает в «путевом цикле»: являясь олицетворением постоянной изменчивости, он как нельзя лучше воплощает собой динамическое начало. Пограничным образом, хронотопом, разделяющим данные состояния и миры, выступает шлагбаум, данный образ открывает стихотворение «Поле за заставой». Уже первая строка: «Пал шлагбаум! Мы уж в поле», — подчеркивает особую динамику, моментальность протекания действий в данном и последующих стихотворениях. Путешествие в пространстве по окрестностям, имея начальной точкой своего пути город, неизбежно должно завершиться прибытием лирического героя обратно в город. Однако вернувшийся герой заметно отличается от того, кем он был до поездки: сближение с природой, участие в богослужении, разговор со «старцем сгорбленным» оставили изменения в душе лирического героя.

Основу временной организации произведения Ершова составляет суточный цикл, в стихотворениях упоминаются утро, полдень, вечер. Расширяет пространственно-временной континуум образ океана, возникающий в стихотворении «Сердце», и связанный с ним мотив смерти. Океан в мифопоэтике различных народов (в том числе и славянской) является образом, содержащим отрицательную коннотацию, он связан с потусторонним миром, со смертью:

*День и ночь туда чредою
Ангел смерти роковой
Беспощадно все живое
Увлекает за собой.*

Данные образы позволяют говорить об особом мифологическом времени, которое зачастую является циклическим и «требует для своего обоснования появления циклических представлений о самой истории человечества» [6]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что пространственно-временная организация «путевого» цикла Ершова восходит к универсальной категории цикличности.

Примечательно, что для Ершова, который является глубоко верующим человеком, характерен особый мифопоэтический взгляд на природу, он во многом близок к натурософии поэтов-славянофилов (С. П. Шевырева, А. С. Хомякова), поэт видит мир «чистым оком», и поэтому многие явления природы приобретают в произведениях Ершова особую семантическую насыщенность. Примером тому может служить стихотворение «Гроза», в котором центральное место уделено изображению гибели кедра от удара молнии. На мифопоэтическом уровне данный мотив восходит к «основному мифу» славянской мифологии о поединке бога грозы Перуна со своим демо-

ническим противником — Велесом. Во время поединка Велес превращается в ряд предметов и существ, в том числе в дерево. Перун ударом молнии разбивает дерево, после чего на землю проливается дождь, т. е. по своей сути миф является этиологическим и объясняет происхождение грозы.

Образ кедра вполне может быть рассмотрен и в библейской традиции, где с ним «устойчиво связывается символика смерти и ее преодоления как начала вечной жизни» [7]. Данное положение находит свое подтверждение в последующих стихотворениях лирического цикла. Смерть не воспринимается лирическим героем как небытие, пустота, для верующего человека смерть служит своеобразным переходом в вечный прекрасный мир, т. е. жизнь повторяется заново, но в лучшем мире. Подтверждением тому служит образ старца из заключительного стихотворения «Вечер». Данное название содержит несколько семантических пластов: во-первых, вечер представляет собой определенный временной промежуток суточного цикла; во-вторых, с данным образом связано представление о приближении смерти, это «вечерняя заря» жизни. Однако «старец сторбленный» воспринимает происходящее как закономерное явление:

*Он смотрел на запад дальний,
Одевающийся в тень,
И улыбкою прощальной
Провожал угасший день.*

Согласно христианскому учению, мировая история представляет собой однонаправленный и конечный процесс, Страшный суд невозможно предотвратить, но само «уничтожение все же мыслится возвращением в вечность, так что отдаленно идея цикла сказывается и здесь» [8]. Данный принцип может быть распространен и на жизненный путь отдельного человека.

На своеобразную повторяемость, круговорот космических явлений указывают мотивы и образы, связанные с аспектом непосредственной жизни лирического героя. Так, в стихотворении «Скорая езда» движение повозки уподобляется бегу жизни:

*Что за роскошь, что за нега...
...
Беззаботно с вышины
Низвергаться в глубь оврага
Всем наклоном крутизны!
И опять, гремя телегой
По зыбучему мосту,
Всею силою разбега
Вылетать на высоту!..*

Жизненный путь трактуется лирическим героем как смена постоянно повторяющихся (не случайно употреблено наречие 'опять') взлетов и падений, т. е. снова возникает мотив цикличности. Такая же ситуация характерна для стихотворения «Сердце», в котором с образом сердца связано повторение и смена противоположных желаний:

*Беспрерывно вихрь стремленья
Вьет живой водоворот:*

*В грусти ищет наслажденья,
В наслажденьи грусть зовет.*

Одним из структурообразующих элементов цикла является создание целостной системы мотивов и образов. Центральным мотивом в лирическом цикле Ершова выступает мотив пути, остальные мотивы и образы, организующие поэтическое пространство цикла, так или иначе соприкасаются с данным мотивом. Одним из значительных мотивов в цикле выступает мотив свободы; заявив о себе в первом стихотворении как желанная мечта, данный мотив возникает в стихотворении «Поле за заставой»:

*Я свободен!.. Я на воле!..
Я один с мечтой моей!..*

Важным образом, дополняющим мотив свободы, является образ птицы. Сравнивая пение птицы с поэтическим творчеством, автор приходит к выводу, что основной чертой, сближающей данные образы, является стремление к полной свободе и независимости от чьих-либо мнений. К образу птицы во многом примыкает образ сердца, они сближаются посредством понятия «душа». Во многих культурных традициях сердце рассматривается в качестве вместилища, того места, где сосредоточена душа человека. В то же время в русской традиции известны представления «о душе человека в облике птицы» [9]. Выступая в мифопоэтической картине мира представителем верхнего, небесного яруса вертикальной структуры мирового пространства, птица является связующим звеном человека с высшими, потусторонними сферами. Мы видим, что образы и мотивы «путевого цикла» Ершова, заявив о себе в отдельных стихотворениях, обязательно повторяются в ряде других либо трансформируются и соприкасаются с близкими мотивами. Подобная повторяемость, возвращение к образам вновь может рассматриваться в качестве одного из вариантов циклизации ершовского текста.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что идея цикличности — одна из основополагающих в данном произведении Ершова. Она проявляется как в отдельной жизни конкретного человека, так и в законах бытия. Тяготение к циклизации характерно для различных уровней поэтического пространства текста: пространственно-временного, композиционного, мифопоэтической структуры, системы мотивов и образов.

Примечания

1. *Латина Л. Е.* «Моя поездка» П. Ершова и традиции путевых циклов // Петр Павлович Ершов — писатель и педагог: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научн.-практ. конф. Ишим, 1989. С. 41–42.
2. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 291.
3. *Краткая литературная энциклопедия* / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1975. Т. 8. Ст. 399.
4. *Дарвин М. Н.* Поэтика лирического цикла («Сумерки» Е. А. Баратынского): Учеб. пособие. Кемерово, 1987. С. 50.
5. *Ершов П. П.* Конек-Горбунук: Избр. произв. и письма / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В. П. Зверева. М., 2005. С. 306. Далее в тексте произведения Ершова цитируются по этому изданию.

6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 222.
7. Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 164.
8. Там же. С. 621.
9. Русская мифология: Энцикл. М., 2005. С. 253.

© Соломеина В. Н.
г. Екатеринбург

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА МЕМУАРОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В настоящее время не существует единой терминологии мемуарного жанра и его разновидностей. Одни исследователи считают мемуарами только автобиографии, другие, наоборот, — воспоминания, выделяя автобиографии в отдельную группу. Такие исследователи пользуются термином «мемуарно-автобиографическая литература» (Г. Гюбиева, Г. Елизаветина, А. Антюхов). Есть и компромиссные варианты, когда различают широкое понятие «мемуары» и «собственно мемуары», подразумевая под этим либо только автобиографии, либо автобиографии и записки о событиях (М. Черноморский, А. Тартаковский).

Энциклопедии (БСЭ, Краткая литературная энциклопедия) предлагают достаточно широкое понятие этого термина, выделяя в качестве жанровых разновидностей автобиографии и дневники, а также путевые записки.

Обобщая различные исследования о мемуарной литературе, можно выделить следующие жанровые разновидности (которые называют также жанровыми модификациями, видами, группами, формами):

- воспоминания о событиях,
- автобиографии,
- дневники,
- путевые записки как разновидность дневников, поскольку они представляют собой поденные записи, т. е. те же дневники.

Петровская эпоха с ее необычайно мощным энергетическим потенциалом дала толчок и развитию мемуарного жанра. Это и понятно. Бурные общественные и социальные изменения повлекли за собой стремление осмыслить события этого сложного времени и запечатлеть их на бумаге для потомства. Этому способствовал и рост самосознания личности. «Русская интеллигенция начала осознавать себя творческой силой государства, ответственной за духовное развитие нации» [1].

Интересно, что Петровская эпоха, бедная художественной литературой, представила многообразие именно мемуарных жанров. Можно выделить основные жанровые разновидности мемуарной литературы этого периода:

- 1) записки о событиях (исторические повести, в традиционной терминологии — воспоминания о событиях). К ним относятся «Гистория о царе Петре Алексеевиче» Б. И. Куракина, «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» Сильвестра Медведева, «Записки» А. А. Матвеева, «Записки» И. А. Желябужского;